

ВОСПОМИНАНИЯ

ВИКТОР ДЬЯЧЕНКО

Предлагаемые воспоминания написаны воронежским журналистом Виктором Дьяченко, знавшим поэта в начале 60-х годов. Конечно, они субъективны и не лишены событийных смещений, отдельных неточностей, но искренне представляют «певца Магнитки» как большого поэта и неординарную личность.

Полная реабилитация

В сентябре 1957 года я стал кузнецом в кустопрокатном цехе Магнитогорского металлургического комбината, куда был направлен после окончания воронежского училища.

В то время жизнь на Магнитке была богата литературными событиями: по радио читал рассказы Николай Воронов, в «Магнитогорском металле» печаталась «Тайна алмаза» Константина Нефедьева, а в «Магнитогорском рабочем» – стихи Нэмира Голланда и Юрия Петрова. Много слышал я и о Борисе Ручьеве. Мой напарник, старый кузнец Федор Гладков, рассказывал: «Был на стройке молодой бетонщик. Фамилия его Кривошеков, а стихи он печатал под фамилией Ручьев. Его сам Горький отмечал. Вот только не знаю, где он сейчас, не слышал давно его...»

В библиотеке стихов Ручьева не оказалось. Пожилая женщина сказала, что были когда-то две книжки его стихов, но их давно приказали «изъять», а вообще-то она и в 30-е годы лично знала Борю Ручьева: «В 1937 году на него пришел донос в органы. Говорят, что его написал друг, с которым они любили одну девушку. Тогда Ручьева и «взяли»...»

Скоро я поступил на филологический факультет пединститута, где вновь услышал о поэте, который недавно вернулся с Колымы. Ему в руки дали предписание: в 24 часа покинуть город. Он стал искать бывших друзей, чтобы провести сутки в городе, который строил и любил. Нашел одного приятеля, но тот его и в квартиру-то не пустил.

Потом он работал в совхозе бухгалтером. А через год случилась полная реабилитация. Затем публикация старых стихов, гонорары, слава... Он вернулся в Магнитку, где ему сразу предоставили отдельную квартиру.

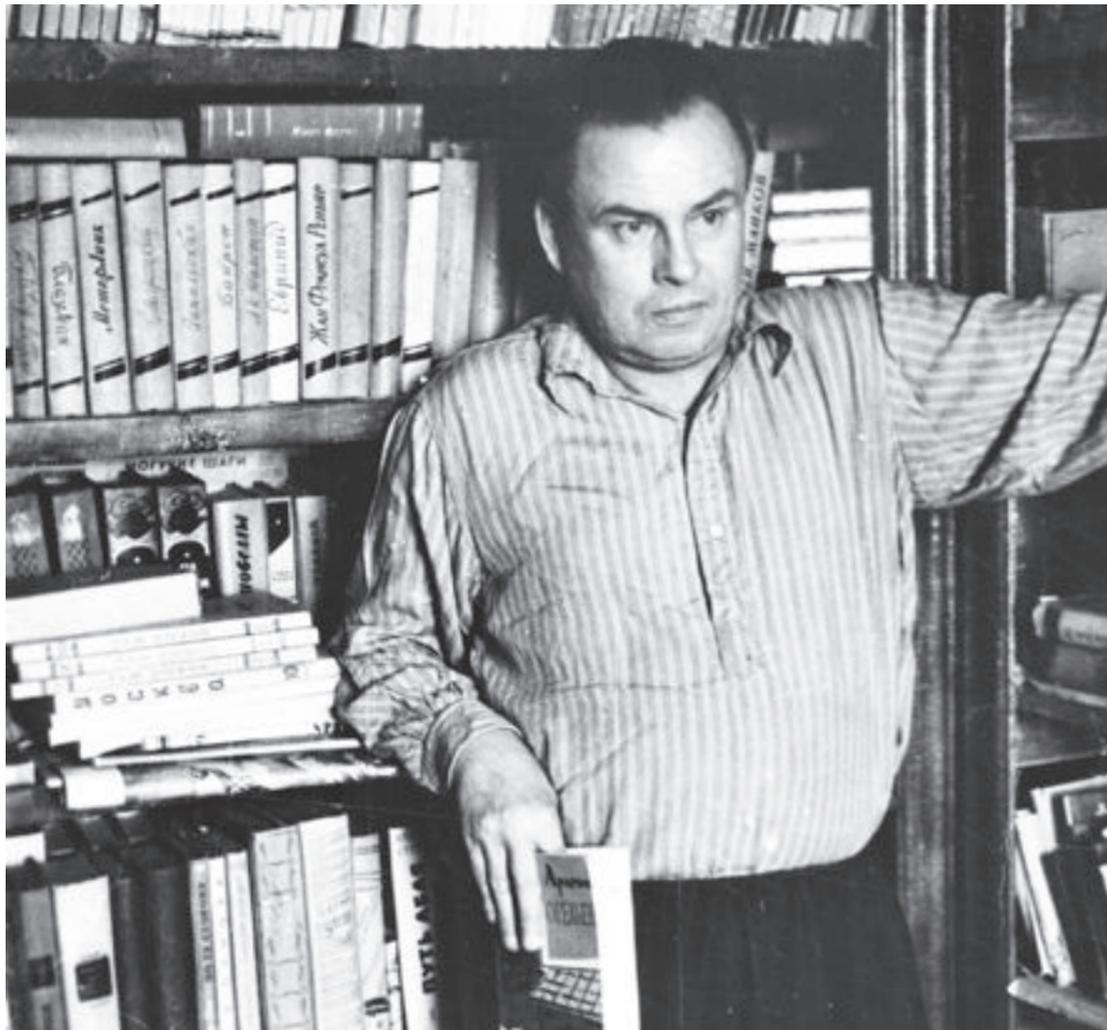
Двадцать лет Колымы он был на «на общих». Едва избежал ампутации ноги. И вот – полная реабилитация. Первое стихотворение после лагеря опубликовал журнал «Москва», которому он потом и отдавал все, что удавалось написать. Хотя Ручьева просили «дать что-нибудь» многие главные редакторы столичных журналов. Так и «Любаву» он опубликовал сначала в «Магнитогорском рабочем», «Челябинском рабочем», а потом – в «Москве». Поэт как бы торопился занять потерянную нишу, охотно откликался на просьбы поехать в столицу провести семинары, выступить. И при этом – он сам мне об этом говорил – чувствовал себя там плохо, слишком многое его возмущало.

Бывал Ручьев и на тогдашних тусовках. Как-то на квартире поэта Цыбина он подрался с Евтушенко, на которого написал пародию. Потом Ручьев клятвенно заверял, что больше никогда не поедет «ни на какие семинары», но получал другие предложения и – снова в дорогу...

Рабкоровские уроки

Мой товарищ по курсу, Жора Тепломес, учился по вечерам в школе рабкоров при «Магнитогорском рабочем». Однажды после лекций в

Короткие встречи

институте туда пришел и я. Редакция располагалась неподалеку от института, в жилом доме. Коридор, несколько кабинетов по обе его стороны, в торце – большая комната, уставленная скамейками. Тут и учились рабкоры. Народу в тот раз собралось много, но занятия почему-то долго не начинались. Но вот появилась молодая женщина, а за ней шел, опираясь на палку, плотный среднего роста человек с округлым, почти без морщин, лицом и мягкими, гладко причесанными над высоким лбом волосами. Он все время покашливал. Казалось, он никак не мог избавиться от чего-то, что беспокоило его. Журналист, который должен был вести занятия, не пришел. Вместо него «позаниматься» с рабкорами согласился Борис Александрович. Он смущенно улыбнулся и начал, покашливая, говорить о газетных жанрах. Слов я его не запомнил, чувствовал только, что он говорит как бы не от себя, а от лица того, кого заменял...

Свою «Любаву» он опубликовал в местных газетах, а потом в журнале «Москва»

бригада столичных литераторов – поэтесса Терещенко, критик Стариков и кто-то еще. В пединституте состоялась встреча со студентами. Вместе с москвичами пришли Ручьев и Воронов. Ручьев держался сначала скованно, часто вытирал платком лоб.

Терещенко читала стихи, а Стариков говорил о магнитогорских писателях и поэтах. Особо выделил Ручьева. Затем поднялся сам поэт и, волнуясь, спросил: «Что же нам почитать?» Студенты закричали: «Проводы Валентины!» «Песню о брезентовой палатке!» И Ручьев начал читать. Лицо его помолодело, голос окреп. Он почти не кашлял. Особенно хорошо декламировал «Проводы Валентины»: «Вдоль березовой долины, / Под прикрытием зари, / Дует ветер с Украины / Паровозу в фонари...» Читая, Ручьев гордо поглядывал на москвичей. Видно, что-то такое хотелось им доказать. И доказал: он чувствовал за собой поддержку и ободрение аудитории.

«В моей душе нет обиды»

Я выбрал темой курсовой работы – «Рабочий класс в поэзии Ручьева» и понял: он ничего не «отражает» и «не вскрывает». В его стихах сталева и бетонщик – узнают себя, свое место в жизни, видят красоту и величие сделанного и пережитого. Теперь оставалось отыскать лишь литературные истоки поэта. Некоторые критики отмечали, будто «Ручьев идет, минуя Маяковского», что на его творчество «оказали влияние лишь Некрасов, Исаковский и Твардовский». Решил обратиться за помощью к самому поэту. В конце заседания литобъединения подошел к нему и, смущаясь, попросил ответить на волнующие меня вопросы. «Студент? – спросил

Борис Александрович. – С филологического? Здесь я тебя часто вижу. Что пишешь?» В голосе и на лице поэта была живой интерес, доброжелательность и участие. Я осмелел и довольно внятно спросил, «прошел» ли он в своем творчестве «мимо Маяковского» или нет? Ручьев ответил: «Маяковский так высок и огромен, что «пройти мимо» него невозможно. Я писать хочу не так, а по-своему». Заговорили о модных тогда поэтах. Ручьев сказал, что любит поэзию Ахматовой, а стихи Пастернака, Евтушенко и Вознесенского – ему не по душе...

Позже несколько раз говорил я с Ручьевым о его позиции – это слово он часто повторял. «Со мной произошла ошибка. В целом все делалось правильно: не было бы дисциплины и порядка, ни Магнитки, ни Комсомольска-на-Амуре, Днепрогэса не построили бы. В моей душе нет обиды. Только когда началась война и я попросился на фронт, мне сказали: «В плен стремишься, фашист?» Это было обидно... Все делалось правильно. А судьба отдельного человека – это вторично».

Думаю, что в такой позиции – трагическая ошибка поэта Ручьева. Он поставил перед собой задачу служить не правде, а... партии. Уверовал, что именно партия и есть правда. Партийные боссы подталкивали поэта к тому, чтобы он был «певцом Магнитки», «романтиком». И он, изредка оступаясь, старался быть «вечным комсомольцем».

В последний раз я видел Ручьева во время встречи первых строителей Магнитогорска. Борис Александрович готовился к ней, ждал. Его фамилию включили в списки президиума.

Программа встречи была более чем насыщенной – доклады, экскурсии, мероприятия. Многие ветераны, не

выдерживая беготни и официальщины, стали собираться в буфетах. В центре таких встреч обычно был Ручьев. Организаторам тут же доложили, что поэт чаще бывает в буфете, чем на мероприятиях. На очередном официальном заседании его фамилию вычеркнули из состава президиума, но предупредить Ручьева об этом не удосужились.

К началу заседания он опоздал, сразу прошел в президиум и сел на свободный стул. Какой-то человек в сером костюме тут же подскочил и что-то шепнул ему на ухо. Говорят, якобы позвал его к телефону. Ручьев поднялся и ушел за кулисы. Больше в президиуме он не появился. Поэт прошел к телефону, увидел, что трубка не снята, хотел вернуться. Но человек в сером загородил дорогу. Ручьев все понял и ушел. В буфете его окружили, стали успокаивать...

Случай на банкете

Вечером в одной из комнат Дворца культуры металлургов состоялся банкет. Нас с редактором областной «молодежки» Леонидом Вяловым тоже пригласили. Среди «гостирующих» – тогдашний секретарь Челябинского обкома партии Евгений Тяжелников, первый секретарь обкома ВЛКСМ Виктор Поляничко, первый секретарь Магнитогорского горкома партии Валентин Дмитриев и много других чиновников.

Так вот, только Дмитриев поднял первый тост, как в коридоре раздались тяжелые шаги и стук палки. Все догадались, кто идет, и замерли. Ручьев резко открыл дверь и пошел между рядами столов, выставив, как штык, перед собой палку. Она в ритм шагов, толчками поворачивалась то влево, то вправо. Стало ясно, разгневанный поэт сейчас пустит ее в ход. Палку он наставил в лоб Дмитриеву и медленно, четко сказал: «Вы – некрасиво поступаете! Я сообщу об этом Брежневу!» Развернулся и пошел к выходу. Несколькими минутами в банкетном зале стояла тишина. Потом Дмитриев, переглянувшись с Тяжелниковым, спокойно, будто ничего не случилось, продолжил тост.

После банкета, как я позже узнал, Дмитриев и Тяжелников обсудили ситуацию.

– Что мне делать, Евгений Михайлович? – спросил Дмитриев.

Умный и дипломатичный Тяжелников ответил так:

– Видишь ли, Дмитриевых в стране много, а Ручьев – один. Скорее всего, Леонид Ильич поддержит не тебя, а Ручьева. Надо тебе как-то «снять» конфликт, пока не знает генеральный, надо помириться с этим стихоплетом.

– Я тоже так думаю, – согласился Дмитриев. – Завтра утром пошлю к нему человека.

Поутру к Ручьеву прибыл посылный.

– Товарищ Дмитриев предлагает вам, Борис Александрович, забыть о вчерашнем инциденте. Будто ничего не было. Товарищ Дмитриев уже забыл.

– А я никогда не забуду, – ответил Ручьев. – Но передай шефу: Брежневу ничего сообщать не буду.

На том и порешили. Поэту вскоре присудили премию имени Горького. А Дмитриев через год стал секретарем Челябинского обкома партии...

О смерти Бориса Александровича Ручьева я прочитал в газете «Правда». Вернувшись на родину, в Воронежскую область, все искал и читал его новые стихи, книги. Ждал, что он развернется в полную мощь. И вот – некролог в «Правде».

В цикле «Красное солнышко» одно из стихотворений Ручьева начиналось словами: «Боюсь я, что поздно свобода придет...» Пророческими оказались слова ☹

Подготовил Валерий Ефимов, КРАЕВЕД